

Однако приходилось и дальше притворяться слепой. Она нарочно шарила вокруг, и прохладные кончики её пальцев скользнули по спине Линь Дунцин. Та вздрогнула и слегка досадливо бросила:

— Чего ты шаришь вслепую?

Бай Цзиньжун сидела позади неё и чуть заметно скривила уголки губ:

— Я ведь и впрямь слепая, вот и шарю вслепую.

Линь Дунцин грубо схватила её руку и прижала к своей ране:

— Вот здесь!

Линь Дунцин глухо стоннула. Бай Цзиньжун даже за неё почувствовала эту боль: она торопливо разжала пальцы, подула на рану и, одной рукой продолжая нащупывать поврежденное место, другой заново принялась наносить мазь.

Линь Дунцин терпела боль и истому от чужих пальцев, но её мочки ушей покраснели.

Бай Цзиньжун отчетливо видела это в лунном свете.

Оказывается, при всей своей порочности, к ней самой у той теплилось всё то же неизменное чувство.

Бай Цзиньжун смотрела на спину девушки, всю исчерченную шрамами: тут были и старые рубцы, и те, что только что затянулись, и эти свежие раны...

Похоже, она из тех, кто привык облизывать лезвие ножа ради наживы.

Бай Цзиньжун бережно перевязывала её раны. Сидя у неё за спиной, ей не нужно было притворяться — разве что движения стали чуть более неуклюжими, да приходилось побольше шарить руками, но в остальном она со всем справилась отлично.

— Получила рану, надо отдохнуть, ложись спать, — произнесла Бай Цзиньжун.

Линь Дунцин огляделась по сторонам, привела Бай Цзиньжун в уединенную и сухую пещеру, а затем легла на живот и заснула.

Бай Цзиньжун больше не нужно было притворяться перед ней. Волосы растрёпаны, всё тело в ранах, подол одежды превратился в жёсткие кровавые корки, а на ногах — старые потёртые

сапоги, у которых подошвы того и гляди протрутся насквозь.

Словно лесной зверь: кровожадный, мечущийся в бегах.

Второй день

На вторые сутки Линь Дунцин внезапно проснулась и посмотрела на задремавшую рядом Бай Цзиньжун, которая спала с закрытыми глазами.

Она от природы обладала чутким ненью, но никак не ожидала, что прошлой ночью проспит так крепко, да и тупая боль в спине заметно утихла.

К входу в пещеру опустился сокол, к лапе которого была привязана полоска ткани. Линь Дунцин тихо свистнула, птица села ей на руку, и она сняла ткань, чтобы взглянуть на послание.

— Сначала мне нужно отправиться в фруктовый сад в двадцати ли к югу, а когда закончу дела, отведу тебя обратно в деревню, —

Линь Дунцин поднялась на ноги, толкнула ногой Бай Цзиньжун и сказала: — А может, ты останешься здесь ждать меня? Через три дня я вернусь...

Сказав это, она тут же подумала, что оставлять эту слепую одну в пещере на три дня —

значит обречь её либо на съедение хищниками, либо на смерть от голода.

— Пошли со мной, — Линь Дунцин протянула ей конец ножен и двинулась вперед.

Бай Цзиньжун сонно хлопала глазами. При дневном свете видимость была куда лучше, и она смогла отчетливо разглядеть и лес, и стоявшую перед ней Линь Дунцин.

И фигура, и черты лица — всё было точь-в-точь как в прошлой жизни, даже имя совпало.

Но вот характер — совершенно иной.

На одежде на спине зиял длинный разрез, сквозь который проглядывала кожа.

— Прошлой ночью я нащупала, что твоя одежда, кажется, порвана. У тебя есть иголка с ниткой? Я зашью, — предложила Бай Цзиньжун.

— Не нужно, — отрезала Линь Дунцин. — Ишь ты, слепая, а еще одежду чинить умеет.

Ух и несговорчивая же девчонка, Бай Цзиньжун была просто в отчаянии.

Линь Дунцин шла невероятно быстро, таща за собой спотыкающуюся Бай Цзиньжун.

Та нарочно сделала вид, что оступилась, и в порыве падения бросилась на Линь Дунцин.

Линь Дунцин обернулась и оказалась с полными руками мягкого и нежного тепла, похожего на пухлый комочек теста.

Её лицо на мгновение застыло, она машинально оттолкнула девушку и отвернулась.

— Я ничего не вижу, иду медленно, не могла бы ты вести меня за руку? — протянув руку, попросила Бай Цзиньжун.

—хлопотно с тобой, — нахмурилась Линь Дунцин, поднимая руку. — Хватись за мой рукав.

Бай Цзиньжун с виноватым видом уцепилась за её рукав и послушно поплелась позади в полушаге.

Они шли полтора дня и едва не опоздали к назначенному времени. Линь Дунцин уже начала терять терпение, раздраженная тем, что та слишком медленно плетется.

— Сейчас ты посидишь здесь, а я мигом сгоняю и вернусь.

Линь Дунцин попыталась вытянуть рукав, но Бай Цзиньжун вцепилась в него мертвой хваткой и обиженно произнесла:

— Ты ведь не собираешься меня бросить?

Линь Дунцин замерла на секунду и фыркнула:

— Задумай я тебя бросить, сделала бы это давным-давно, — после чего круто повернулась и зашагала прочь.

Бай Цзиньжун тайком подглядела слова на той полоске ткани: там Линь Дунцин назначали встречу во фруктовом саду для получения денег.

Выждав немного после ухода девушки, Бай Цзиньжун тихонько побрела следом.

Спрятавшись за деревом, она увидела троих мужчин в робах цвета индиго, которые ждали Линь Дунцин с какой-то шкатулкой в руках.

— И впрямь главный киллер Базилики Любующейся Снегом, гремющая на весь цзянху отставная мастерица Шэн Хоуван. И подумать только, весь её род погиб от твоих рук, — с наглым смешком обратился к Линь Дунцин один из мужчин.

— Меньше болтовни, где деньги? — протянув руку, потребовала Линь Дунцин.

— Сделка слишком крупная, цена за неё высока, так что осторожность не помешает, — собеседник протянул шкатулку.

Только Линь Дунцин открыла крышку, как изнутри со свистом вылетели три скрытых оружия прямо ей в лицо.

Линь Дунцин резко откинула корпус назад, уворачиваясь от лезвий, и в тот же миг на неё с обнаженными мечами бросились трое.

Она взмахнула длинным клинком и гневно сверкнула глазами:

— Вы что творите?!

— От такой огромницы — платы за отход от дел — кто же откажется? — усмехнулся нападавший. — Ты всерьез думала, что сможешь невредимой уйти из Базилики Любующейся Снегом?

— Никому не позволено зариться на мои деньги, — холодно усмехнулась Линь Дунцин. Одно движение руки, взмах клинка — и она отсекла руку одному из противников.

Тот не успел даже толком завопить, как крик оборвался, а его голова со стуком покатилась по земле.

Бай Цзиньжун зажала рот рукой, наблюдая, как оставшиеся двое, не одолев Линь Дунцин, пустились наутек.

А на теле самой Линь Дунцин добавилось новых ран; опираясь на длинный меч, она тяжело дышала.

Линь Дунцин отбросила ногой шкатулку, из которой рассыпались камни. Её взгляд был леденящим:

— Никому не позволено оставаться мне должным.

Запоздало осознав, что перед ней безжалостная убийца, Бай Цзиньжун смертельно испугалась.

Эта залитая кровью богиня резни была столь далека от той нежной и улыбочивой Линь Дунцин из прошлой жизни, что до самого конца отказывалась причинить ей вред.

Как растопить её полнее злобы сердце?

Бай Цзиньжун поставила перед собой скромную задачу: для начала влюбить её в себя.

Разве Судья не говорил?

Наставлять на путь добра с помощью любви.

Бай Цзиньжун не понимала, откуда между женщинами берутся такие чувства.

Точно так же, как в прошлой жизни Линь Дунцин относилась к ней с добротой и даже убивала ради неё людей.

Однако Бай Цзиньжун не постигала природу чувств Линь Дунцин к ней.

Инь и Ян должны гармонизировать, мужчина и женщина — создавать семью, таков извечный закон неба и земли.

Но вспоминая зловещую гримасу Шэн Цяна, Бай Цзиньжун думала лишь о том, что ради избавления от Шэн Цяна какая разница, мужчина перед ней или женщина?

Погруженная в свои мысли, она вдруг почувствовала, как её приподняли за воротник. Испуганно замахав руками и ногами, она взмолилась:

— Отпусти меня!

— Ах ты маленькая слепышка, и как тебя занесло сюда? — раздался за спиной голос Линь Дунцин, которая рывком поставила её на ноги.

— Ацин, — преодолевая страх перед окровавленным клинком, Бай Цзиньжун радостно обняла её. — Ты вернулась.

Линь Дунцин на мгновение замерла, и меч выпал из её ослабевшей руки.

Самоотвращение, вызванное убийством, медленно рассеялось от этого неожиданного теплого объятия.

— Я проголодалась, Ацин, — уловив напряжение в её теле, Бай Цзиньжун мягко отстранилась и, стараясь не смотреть на её кровавые следы, улыбнулась.

Линь Дунцин отвела её к ручью, умыла лицо, наблюдая, как текущая вода смывает кровь.

Затем она сняла одежду, нырнула в ручей, чтобы искупаться, и заодно выловила рыбу.

Разведя костер, Линь Дунцин водрузила рыбу на вертел.

Бай Цзиньжун сидела рядом, подняла уроненный мешочек с иголками и нитками и принялась с видимым усердием на ощупь чинить её одежду.

Все домашние дела в поместье Семьи Шэн лежали на ней, шить она умела мастерски, так что даже с закрытыми глазами справлялась без труда.

Линь Дунцин смотрела на её невидящий взгляд, устремленный в пустоту, и на то, как пальцы на ощупь ловко и ладно ведут строчку.

Наступали сумерки, и отсветы костра падали на лицо Линь Дунцин. Протянув рыбу Бай Цзиньжун, она предупредила:

— Осторожнее с костями.

— Ты впервые обо мне заботишься, — улыбнулась Бай Цзиньжун, и её лицо было прекрасно, как картина.

У неё было чудесное лицо, кроткое и милое, а глаза, источающие живой блеск, увы, оставались невидящими и пустыми.

Линь Дунцин отвернулась и проворчала:

— Я просто боялась, что ты подавишься.

Бай Цзиньжун посмотрела на две зажаренные рыбины: её собственная выглядела сносно, по крайней мере, прожарилась.

А Линь Дунцин держала рыбу, у которой снаружи всё обуглилось, а внутри мясо осталось сыроватым, и усердно вгрызалась в нее, отчего Бай Цзиньжун невольно поморщилась.

— Ешь медленнее, — укорила она. — Подавишься ведь.

Линь Дунцин осеклась, сбавила темп и принялась смотреть, как Бай Цзиньжун ест — изящно, маленькими кусочками тщательно пережевывая пищу.

— Почему ты ослепла? — внезапно спросила Линь Дунцин, глядя на её пустые глаза.

Движения Бай Цзиньжуна замерли. Внешне она сохраняла невозмутимость, но внутри всё затрепетало. Поразмыслив, она ответила:

— В семь лет переболела какой-то болезнью, после чего ослепла.

Рука Линь Дунцин раскрылась прямо перед её лицом, пальцы в воздухе очертили контуры её бровей, мочки ушей покраснели, и она неловко бросила:

— У тебя очень красивые глаза.

В сердце Бай Цзиньжуна вспыхнула радость, но на лице она по-прежнему изображала наивность. Сияя улыбкой, она спросила:

— Ацин, могу я узнать, как ты выглядишь?

— М? — недоуменно протянула Линь Дунцин. — Откуда тебе знать, как я выгляжу?

Бай Цзиньжун отложила недоеденную рыбу, тщательно вытерла руки платочком и неторопливо принялась оглаживать её лицо.

Подушечки пальцев скользнули по брови:

— У Ацин брови чуть широковаты.

Затем опустились на переносицу:

— Переносица высокая и прямая.

Линь Дунцин покраснела, глядя на нее глазами, ясными и яркими, словно холодные звезды.

— Лицо совсем маленькое, — Бай Цзиньжун погладила её по подбородку, а затем подушечки пальцев коснулись губ. — Губы тонкие и очень мягкие.

Стоило пальцу надавить на её губы, как Линь Дунцин подскочила на месте со словами:

— Я пойду наберу воды.

Глядя на её поспешно ретировавшуюся спину, Бай Цзиньжун тихонько рассмеялась.

Хоть в её сердце и жило зло, но в душе она оставалась такой неопытной.

Ночной ветер трепал пряди волос. Они сидели у костра, и отсветы пламени плясали на их лицах.

— Когда я была маленькой, в нашей деревне царила страшная нищета, — заговорила Линь Дунцин. — Три года подряд стояла засуха, урожай полностью погибал.

Она машинально принялась теревать пальцы.

— В тот год в деревне умерло множество людей.

Линь Дунцин искоса взглянула на лицо Бай Цзиньжуна в отсветах огня:

— Мои папа с мамой под конец так изголодались... что сварили и съели моего младшего брата.

Бай Цзиньжун судорожно втянула воздух, инстинктивно желая взглянуть на неё, но тут же насильно опустила голову, едва не выдав себя.

— Я наотрез отказалась есть, лучше бы умерла с голоду, — продолжала Линь Дунцин. — Но отец силой влил мне еду в рот и зажал рот ладонью, запрещая выплевывать.

Линь Дунцин переломила сухую ветку и бросила её в костер.

— С тех пор я поняла: в этом мире важнее всего только деньги.

— В этом мире родители, близкие, друзья — все предадут тебя, и лишь звенящая монета — никогда.

Линь Дунцин заглянула в глаза Бай Цзиньжуна, в которых затуманилась легкая дымка:

— Завтра я отведу тебя в деревню и устрою там.

Бай Цзиньжун на секунду замерла. Всё кончено, дело проиграно.

С удрученным видом она опустила голову, а в голове крутилось одно: конец, всё пропало, потерпела крах.

В глазах Линь Дунцин это выглядело так, будто та опечалена предстоящей разлукой, и в её собственной груди тоже защемило от тоски. Она поднялась и молча отошла к ручью, оставаясь там в одиночестве.

На следующий день Линь Дунцин привела Бай Цзиньжун в деревню и стала расспрашивать про семью некоей Бай Янь.

— Бай Янь-то? Так она три года назад померла, — ответил седой деревенский старик. — Теперь её дочка Бай Фужун вышла замуж за деревенского кузнеца.

— Ох, тетушка, — Бай Цзиньжун закрыла лицо руками и скорбно произнесла: — Как же ты могла оставить меня и уйти?

Она инстинктивно ухватила Линь Дунцин за рукав, чтобы та не сбежала исподтишка.

Когда Линь Дунцин привела Бай Цзиньжун к кузнечной лавке на окраине деревни, они застали там женщину, которая подбоченилась и бранилась:

— Вечно от тебя никакого толку, только молотком стучать умеешь, скоро совсем без еды останемся!

— Ты — дочь Бай Янь, Бай Фужун? — спросила Линь Дунцин.

— Я. А вы еще кто? — неприязненно окинув взглядом потрепанную Линь Дунцин, с брезгливостью бросила Бай Фужун.

— Это твоя двоюродная сестра, Бай Цзиньжун, — Линь Дунцин подтолкнула Бай Цзиньжун вперед. — В поместье Семьи Шэн случился сильный пожар, из семьи Бай больше никого не осталось.

Бай Фужун в прошлом получала немало благ от клана Бай. Она уже было собиралась с показным радушием схватить Бай Цзиньжун за руку, но, услышав слова Линь Дунцин, тут же отдернула ладонь и заявила:

— Лишний рот в доме ни к чему, нам такую здоровую деваху не прокормить.

Первая жизнь

— Кузина, — с наигранной мягкостью позвала Бай Цзиньжун.

Взгляд Бай Фужун скользнул по заколке в волосах девушки, оживился, и она кое-как притянула её к себе:

— И надо же такому несчастью обрушиться на голову семьи Бай.

Бай Фужун приподняла рукав Бай Цзиньжун: запястья чистые, на шее тоже пусто.

— Почему на тебе даже украшений нет? — проигнорировав предостерегающий взгляд кузнеца, заговорила Бай Фужун. — Раз уж мы одна семья, нет причин выгонять тебя на улицу. Оставайся, голодной не останешься.

Бай Цзиньжун изначально думала, что с таким сварливым и мелочным характером та ни за что её не приютит, но результат оказался совершенно неожиданным.

— Раз так, я пошла, — Линь Дунцин попыталась выдернуть рукав, но Бай Цзиньжун крепко сжала его в ладони. У Линь Дунцин дрогнуло сердце, и она чуть сильнее дернула край ткани.

— Ацин, — слезы из глаз Бай Цзиньжун полились рекой.

Эти слезы были неподдельными — ей и впрямь было горько: если они сейчас расстанутся, как же она выполнит задание?

— Если я останусь жива и вернусь, то навещу тебя, — с каменным лицом произнесла Линь Дунцин, круто развернулась и широким шагом зашагала прочь.

Бай Цзиньжун застыла столбом у лавки, провожая глазами фигуру Линь Дунцин, исчезающую за углом улицы.

Всё, провал.

Начать всё сначала, что ли?

Кузнец дернул Бай Фужун за рукав, и они отошли вглубь мастерской, перейдя на шепот.

— Жена, у нас самих впору по миру идти, да еще ребенка завести собирались, на кой черт нам ее содержать? Бесполезная калека, к тому же слепая, поди, — шептал кузнец.

Бай Фужун с усмешкой протянула:

— А кто сказал, что я собираюсь ее содержать?

— Так она же здесь осталась! Ты что, не видала, та баба уже ушла? — вытаращил глаза кузнец.

— Старый вдовец с западной окраины деревни уже трех жен схоронил, а теперь снова жениться надумал, — самодовольно пояснила Бай Фужун. — У него своя меняльная лавка, он за невесту знатный выкуп даст.

— Эта слепая всё равно ничего не видит, так ей же впору радоваться! Выйдет за вдовец, заживет в сытости и богатстве, — продолжала Бай Фужун.

— Но тому вдовцу уже стукнуло сорок семь-ворок восемь, — засомневался кузнец. — Слыл он человеком со странными причудами, те три жены при нем лютую смерть приняли.

— До этого мне дела нет, — отрезала Бай Фужун. — То, что я ее в бордель не продала — уже великая милость.

Она подбоченилась: — Поди знай, не обесчестит ли такую слепую какой-нибудь пропойца на улице, так лучше уж выдать замуж.

— А нам перепадет неплохое приданное, — Бай Фужун ткнула мужа пальцем в лоб. — С твоим ремеслом ты за всю жизнь столько не заработаешь.

— Мудрое решение, жена, — расплылся в улыбке кузнец.

Раздвинув занавеску, они вышли обратно. Бай Фужун приветливо схватила Бай Цзиньжун за руку:

— Пойдем, кузина, провожу тебя в комнату отдохнуть.

Линь Дунцин стояла в темном углу, её лицо менялось в выражениях. Заметив боковым зрением силуэт Линь Дунцин, Бай Цзиньжун тут же принялась всхлипывать и, оглядываясь на пустой переулок, звать:

— Ацин, Ацин...

Линь Дунцин выскользнула из укрытия, подбежала к ним, схватила девушку за руку и потащила за собой.

— Эй, ты чего удумала? Срежь бела дня людей крадешь! — завопила Бай Фужун.

Линь Дунцин с размаху отвесила ей пощечину, а выбежавшего с молотком кузнеца отбросила ударом ноги.

— Ацин, я знала, что ты вернешься, — с улыбкой сжав её руку, прошептала Бай Цзиньжун.

Эта мягкая, нежная ручонка утонула в большой мозолистой ладони. Линь Дунцин машинально сжала её в ответ и глухо произнесла:

— Путь в Сучжоу будет полон опасностей. Ты боишься?

Бай Цзиньжун покачала головой:

— Где ты, там и я. Если ты погибнешь, я тоже не стану жить.

С самого детства скитаясь по миру, Линь Дунцин была подобна одинокому волку — никому не доверяла и ни с кем не желала водиться.

Она слишком долго была одна, и впервые в жизни испытала это чувство чужой зависимости и неразрывной связи.

Сжав губы, Линь Дунцин устремила решительный взгляд вперед:

— Я не позволю тебе умереть.

Лишенная спасительной тени пестрого лесного полога, в дальнейшей совместной дороге Бай Цзиньжун опасалась разоблачения, поэтому повязала глаза шелковым платком — видела она сквозь него плохо, но для видимости сойти могло.

В тот день они добрались до какого-то города. Нахлынувший шум и суета заставили Бай Цзиньжун почувствовать себя так, словно прошла целая вечностей.

Линь Дунцин сняла комнату и велела подать еду прямо туда.

Как раз в этот момент за дверью раздался сердитый голос:

— Старейшина Шэн Хоуван в свое время гремел на весь цзянху, пользовался огромным авторитетом, а эта Линь Дунцин посмела предать мечу весь род Сяхоу!

— Верно! Ныне Лидер боевых искусств издал приказ о ее поимке, и весь цзянху заставит ее кровью искупить долги.

У Бай Цзиньжун от страха побелело лицо, а Линь Дунцин мрачно бросила:

— Весь род Семьи Шэн вырезала я, и твоего отца тоже...

Бай Цзиньжун закрыла лицо руками. Плакать по-настоящему она не умела, но и оставаться равнодушной к смерти отца было нельзя.

Поразмыслив над тем, как сгладить этот переход,

Бай Цзиньжун опустила руки и выложила правду:

— Я не слишком-то опечалена.

Она принялась теревать пальцы:

— После того как матушка вышла за него замуж и увела меня с собой, мне пришлось немало хлебнуть лиха.

— Он даже... подглядывал, как я моюсь, — закусив губу, Бай Цзиньжун взяла Линь Дунцин за руку, но тут же испугалась неуместности этого жеста и отпустила её.

— Ацин, заем ты истребила клан Шэн? — спросила Бай Цзиньжун.

— Я... просто промышляла заказными убийствами ради денег, — Линь Дунцин посмотрела на собственные руки, что давным-давно были по локоть в крови.

— Я согласилась на эту сделку в надежде завязать с ремеслом, как только всё закончится, — произнесла Линь Дунцин. — Я устала.

— Что же дальше? Каковы твои планы? — поинтересовалась Бай Цзиньжун. — Сейчас за тобой охотится весь цзянху.

— Я отправлюсь в Базилику Любующейся Снегом, чтобы забрать причитающиеся мне деньги, — ответила Линь Дунцин. — А затем исчезну навсегда.

— Ты можешь уйти, — глядя на Бай Цзиньжун, сказала Линь Дунцин. — Ты же знаешь, здесь опасно.

Уходить было никак нельзя — иначе как выполнять задание?

Бай Цзиньжун покачала головой, мягко улыбнувшись:

— Я же говорила: куда ты, туда и я.

— Ступай отдохни, — Линь Дунцин усадила ее на край тахты, а сама улеглась на скамье.

— Ацин, не могла бы ты попросить слугу принести горячей воды? Я хочу умыться, — произнесла Бай Цзиньжун, тяжело перенося то, что уже три дня не касалась воды.

Линь Дунцин отозвалась, и вскоре полomoйщик принес горячую воду.

— Послушай... Ацин... — смущенно теребя край рукава, замялась Бай Цзиньжун. — Ты не мог бы выйти на время?

Узнав о скрытых помыслах Линь Дунцин, Бай Цзиньжун была не в силах мыться на её глазах.

<http://bllate.org/book/21201/2145984>